

что может быть представлено драматическим театром. С одной стороны, большая интимность и, с другой стороны, необычайная монументальность.

На сцене Большого Театра в прошлом игрались не только оперы, ставились и драматические произведения. Малый Театр там играл очень часто. Мне удалось быть на двух спектаклях одной и той же вещи. На сцене Малого Театра в бенефис Ермоловой шла "Орлеанская дева", и Марии Николаевне Ермоловой было тесно на сцене Малого Театра — ее пламенное творчество требовало больших масштабов. И через несколько дней этот спектакль был поставлен на сцене Большого Театра, но с другими декорациями, почти в натуральную величину, с массой народа, и во главе этой массы — Ермолова. И тут Ермолова показала, что она соответствует этой сцене.

Как раз в антракте мы говорили о том, что на оперной сцене душа поет, — "Друзья, хочется петь!", — как говорил Шаляпин. Эта широта, размах, монументальность, которые существуют кроме тех чудес, о которых говорил Державин, характерны для нашей оперы. Об этой глубине, мощи и силе говорится музкой, а мощи очень много в наших русских операх. И эта неизмеримая мощь и сила так привлекает, радует, волнует. Вот за что мы любили оперу, простаивали по утрам, видели эти восходы солнца перед Большим Театром.

Вот как прошла эта вторая четверть. Третья четверть мало освещена еще в истории, мало отражена в книгах, ибо тех, кто мог бы писать, не нашлось в то время.